

Ликвидатор

Армен Ханбабян

Армен Ханбабян

Ликвидатор не ошибается никогда

«Автор»

2024

Ханбабян А.

Ликвидатор не ошибается никогда / А. Ханбабян — «Автор»,
2024

Приключенческая повесть о сотруднике спецслужб и его сложной и тяжелой работе.

Армен Ханбабян

Ликвидатор не ошибается никогда

...Потом говорили и писали, будто управляющего делами убили, выкинув из окна его собственной квартиры. На самом деле, убили его раньше, выкинули уже труп. Мы ж не звери – живого человека с девятого этажа выбрасывать, если такого приказа нет. А приказ был простой: допросить и ликвидировать. Так, чтобы понятно было: по грехам его ему воздалось.

Сигнализацию отключили, замки вскрыли за полминуты, вошли. Он нас хорошо знал и сразу все понял. Умолять не стал, только попросил легкой смерти. Да мы ведь не против. Дай показания – и будет тебе легкая смерть.

Он все рассказал. Все счета назвал, все проводки, копии документов, за которыми мы пришли, вынес из тайника в санузле. А не стал бы копии делать – ничего бы и не было. Вроде умный человек, опытный, а поди ж ты... Жадным оказался сверх меры. Только на один вопрос не ответил: на что рассчитывал? Вздохнул и промолчал. Написал под диктовку записку: так, мол, и так, неизлечимо болен, страдаю, лучше самому, чем ждать страшного конца...

Моряк его легко ликвидировал, нужную точку на шее надел – и готово. Вот после этого и выбросили.

Четверо мужчин среднего возраста в добротных костюмах и недешевых галстуках, недавно завезённых в спецраспределитель, молча сидели в обширном кабинете. Лишь одному из них пару раз приходилось бывать здесь раньше. Поэтому он знал, что окна в этом кабинете из пуленепробиваемого стекла, слегка отдающего фиолетовым оттенком. Сейчас окна были закрыты плотными светло-бежевыми шторами. Впрочем, они были закрыты всегда, разве только хозяин кабинета иногда слегка откидывал край мягкой на ощупь ткани, выглядывая во двор. Это, впрочем, происходило редко: не рекомендовалось по соображениям безопасности. Поэтому в кабинете постоянно, днём и ночью, горел свет.

Ожидание продлилось недолго. В стене открылась неприметная дверь, роль которой исполнил книжный шкаф, и в кабинет вошёл Генеральный секретарь. Все четверо встали, но он слабо махнул рукой, давая понять, что сейчас не до формальностей. Шёл Генеральный медленно, выглядел задумчивым. Сел в своё кресло, оперся локтем о столешницу, покрытую зелёным сукном.

Словно в бильярдной, – подумал один из мужчин. Что подумали остальные – неизвестно.

Он потёр ладонью обширное бордовое пятно на лбу, звякнув ключом, открыл один из ящиков стола, достал обычную серую папку, положил перед старшим группы.

– Вот, – сказал владыка величайшей в мире державы. – Здесь все.

Папка была не слишком толстой. Старший, не меняя непроницаемого выражения лица, развязал тесемки, достал пару десятков листов обычного формата, быстро просмотрел и положил обратно.

– Да, сказал он. – Здесь все.

Генеральный умел владеть лицом не хуже любого из присутствующих, но было видно, что слова Старший покорили его. Он грузно поднялся из кресла, взял папку и сделал приглашающий жест. Старший последовал за ним в соседнюю комнатку, в полумраке которой плясали отсветы огня в небольшом камине. Под внимательным взглядом Старшего он бросил папку в огонь. Они подождали, пока картон и бумага сгорели дотла. Старший пошевелил золу фигурной кочергой, удовлетворенно кивнул головой. Они вернулись, и Генеральный, молча, не прощаясь, вышел в дверь, противоположную той, откуда вошёл.

Больше Горец никогда с ним не встречался.

Ситуация почти полностью повторилась ещё дважды – когда группа вошла в кабинеты председателя Комиссии партийного контроля и управляющего делами.

Здесь их ждали, высокопоставленные партийные боссы держали папки наготове. В каждом кабинете стоял шредер – аппарат для уничтожения секретных бумаг. Старший опускал листы в прорезь не торопясь, аккуратно. За листами следовали папки.

Ни одного слова при этом произнесено не было. После измельчения бумаг Старший открывал аппарат и брал горстку образовавшейся трухи, бросал в пепельницу, поджигал. Все молча смотрели, как тлеет бумага. Управляющий делами едва заметно морщился. После этого ни о каком восстановлении текста даже теоретически говорить не приходилось.

«Интересно, что ему не нравится?» – подумал Горец. Об этом же подумали и все остальные.

Они прошли коридорами мимо неподвижных офицеров на постах охраны, которые смотрели мимо них невидящими глазами. Вышли на Старую площадь, неторопливо подошли к памятнику героям Плевны, остановились. Старший закурил, давая понять, что все прошло по плану и можно расслабиться.

– И что дальше? – спросил Моряк. – Разбегаемся, или?..

Моряк получил свой оперативный псевдоним потому, что родился в такой глухомани, откуда, как сказал бы классик, хоть три года скачи – ни до какого моря не доскачешь. Считалось, что такого рода уловки повышают уровень секретности и оберегают личный состав от провала. Кто придумывал псевдонимы, знать не полагается. Горец, однако, подозревал, что не слишком умные люди.

Старший затянулся, стряхнул пепел, бросил на Моряка мрачный взгляд.

– Да ты шутник, оказывается...

Чуть помолчав, назвал адрес, где будет их ждать ровно через неделю. Адрес был новый. Значит, что-то все же изменилось.

НЕ КИЛЛЕР

Горец вёл рассеянный образ жизни, совершенно, казалось бы, не совместимый с его ремеслом. Для ясности надо сразу сказать, что под этим псевдонимом его знали лишь несколько человек, а обычных имён, как, впрочем, и паспортов, у него было не менее десятка.

Горец был завсегдатаем всех светских мероприятий в городах, куда его забрасывала работа, жил в дорогих отелях, кутил в наилучших ресторанах, открыто встречался с шикарными, а стало быть, дорогостоящими женщинами, время от времени куролесил (впрочем, умеренно), внимательно следя за красочными описаниями его безобидных походов на страницах местных таблоидов. Не имел привычки прятать лицо от многочисленных папарацци, наоборот, довольно улыбался, когда они заставляли его в компании с очередной длинноногой красоткой. Заводил нужные связи в местной полиции, деловых кругах, в обществе. При этом в связях был крайне разборчив.

Деньги у него водились, ибо в нескольких странах имел вполне официальные консалтинговые фирмы. И, судя по всему, его советы ценились высоко, потому что несколько раз в год на счета этих фирм поступали солидные перечисления, с которых аккуратно платились все положенные налоги. Справедливости ради надо сказать, что с других счетов, надёжно упрятанных в разных оффшорах, никаких налогов не платилось, хотя деньги на них ложились куда более серьезные. Можно сказать, большие деньги.

Образ жизни Горца не соответствовал его главному и единственному занятию потому, что был он вовсе не проницательным консультантом, а ликвидатором. Сильно ошибётся тот, кто посчитает, что речь идёт о киллере. Ведь кто есть среднестатистический киллер? Существо весьма жалкое, большую часть своего времени тратящее на то, чтобы остаться серым, неприметным пятном на ярком празднике жизни. Киллер обитает в малоприспособленной для жизни убитой двушке в хрущёбе на окраине города, личной жизни у него никакой, дни, недели, месяцы проходят в ожидании очередного заказа. Век его, как правило, недолог: либо заказчик уберёт, чтобы скрыть следы нашествящего преступления, либо охрана клиента грохнет, либо менты вычислят и придут брать... Словом, незавидная судьба. И идут в киллеры, как правило, бывшие военные и спортсмены средней руки, которые и в прежней своей жизни особых высот не достигли: так, середка наполовину, никак не мастер, а вечный кандидат в мастера.

Ликвидатор – это совсем другое. Это не мастер, это гроссмейстер своего дела. И не прячется он ни от кого потому, что зелёный лист, как сказал классик, надёжней всего прятать в лесу. Кому придёт в голову, что столь заметный, вальяжный господин может заниматься чем-либо незаконным?! Смешно, он же всегда на виду! Везде, где бы ни был. А если какой не в меру любопытный правоохранитель и захочет сунуть свой нос за кулисы его яркой жизни, то пожалуйста, милости просим. Ничего за этими кулисами интересного не будет обнаружено, ибо ликвидатор оставляет за собой трупы, но никогда – следы.

Но главное различие в том, что киллер берет заказы, а ликвидатор выполняет приказы. Киллер может отказаться принять заказ, если считает, что заказчик жадничает или полагает задачу невыполнимой. Киллер действует шаблонно, в большинстве случаев – убирает жертву на расстоянии. Нож, яд, имитация несчастного случая тоже используются, но намного реже. Ликвидатор, напротив, работает нетривиально, стреляет редко.

Для ликвидатора невыполнимых задач нет. Задание любой степени сложности должно быть выполнено и выполняется.

Конечно, случается, что ликвидаторы гибнут, не без этого. Но это скорее исключение, чем правило. И гибнут они тоже своеобразно.

ИСПОЛНИТЬ ГЕНЕРАЛА

Со дня встречи с Генеральным секретарём, а ныне – персональным пенсионером, время от времени рекламирующим пиццу, для группы ничего не изменилось.

Прошло полтора года. Страна нехотя, с нескрываемым удивлением пыталась осознать происшедшее. Люди приспособлялись, беднели, нищали, все чаще вспоминая добрым словом прежние времена. Оживились, почуввав свой шанс, реваншисты. На окраинах бывшей державы постреливали, но это мало кого интересовало. Потому что стрельбы и рядом случалось много: делили доставшееся от прежнего мира наследство.

А группа как функционировала, так и продолжала работать, разве что чуть меньше стало выездов за рубеж. Зато по стране приходилось ездить чаще. Приказы по прежнему поступали из той же, что и раньше, инстанции, только называлась она теперь не Центральный Комитет, а Администрация. И знали о группе и ее работе столько же людей, что и раньше. То-есть всего несколько человек.

... Президент, седой гривой волос, ростом и размахом плеч, басовитыми модуляциями начальственного рыка напоминающий матёрого белого медведя, сильного и очень опасного, внимательно переводил проницательный взгляд со Старшего на начальника своей охраны. Он щурился, и от этого явственнее проступали азиатские черты его лица. Начальник охраны говорил уже пять минут, что по принятым в этом кабинете понятиям было чрезвычайно долго, но президент пока молчал, надеясь услышать то, что хотел услышать. Однако обычно решительный начальник охраны ходил вокруг да около, а главного не говорил.

Старший улыбался уголками губ, знал, к чему неизбежно придёт разговор. Речь шла о некоем большом милицейском чине. Генерал был, конечно, весьма грешным персонажем. Классический пример, как стали в последнее время говорить, пресловутого «оборотня в погонах». Причём многозвездных погонах, что важно. Масштабный рекет, крышевание целых регионов, хитрые коррупционные схемы... Ну это все, положим, ладно, кто нынче без греха. Это простительно. Можно пожурить, чтобы не слишком уж расходился. Но был за генералом грех смертный, грех непростительный. С оппозицией связался. Есть точные сведения, что в случае переворота получит, как минимум, пост министра, а то и – вице-преьера. Владеет убойным компроматом на многих высокопоставленных чиновников, в том числе – и лиц из президентского окружения. Поэтому хватать его и волоочь в суд никак невозможно. Разольется соловьем, и даже в случае закрытого процесса информация просочится. Героем предстанет в глазах серого быдла. Знаменем оппозиции заделается. А оставить на свободе тоже нельзя. Плохи в стране дела. Жратвы мало, денег нет, народ недоволен и ждёт очередного мессиию. Случись что – и этот самый генерал вполне способен в решающий момент увести ОМОН с улиц – штурмуйте, любезные, Кремль и Белый Дом, берите Думу, вернём все как было. Пломбир вам дадим за двадцать копеек и газировку – за три!

– То- есть ничего конкретного вы предложить не можете?!, – рявкнул, потеряв терпение, президент.

Он всегда, даже в моменты раздражения и гнева обращался к подчиненным только на «вы» и умудрялся обходиться без мата. И то сказать – не прежние времена, пора от этого партийно-пролетарского матерка в разговоре отвыкать, в цивилизацию стремимся, уходим с задворков в первый мир...

Начальник охраны потупился и умолк, а Старший скроил мину, долженствующую показать, что никаких предложений он вносить не может, он только приказы может получать.

– Шта?! Не слышу! Что делать будем?

Вопрос был, конечно, риторический.

– Значит, так! – седовласый гигант пристукнул по столешнице покалеченной в юности кистью. – Чтобы я. Больше. Никогда. Об этом мерзавце. Не слышал. Никогда! Вам понятно?

– Никогда, значит... Чего ж не понять... – вздохнул начальник охраны. Старший продолжал хранить молчание. Все пришло к тому, в чем он заранее был уверен.

– Думаю, в таком случае... – начал было начальник охраны, но был прерван гневным рыком:

– Знать ничего не желаю! Свободны!

Когда офицеры вышли из главного в стране кабинета, начальник охраны подозвал одного из ожидающих в приемной подчиненных, который передал ему небольшой портфельчик.

– Вот, держи, – сказал он Старшему. – Здесь все, что вам понадобится.

Старший поехал на «точку», разложил перед собой полученные бумаги и фотографии. Что ж, хорошо, не придётся самим добывать всю эту информацию. Постукивая карандашом по столешнице, изучал материалы. К вечеру вызвал Горца, объяснил ситуацию, отдал приказ. Что удивительно – намекнул, что тянуть не стоит, чем раньше, тем лучше... Такого почти не бывало, ликвидатор обычно сам устанавливает себе разумные сроки, исходя из обстоятельств дела. Горец хмыкнул, завалился на топчан в соседней комнате, принялся изучать имеющуюся информацию.

... Распорядок дня подходящий, – думал он. – Из дому объект выходит рано, этак без пятнадцати семь утра. Хорошо, в это время людей вокруг мало... Большую часть службы провёл на постах в пенитенциарной системе. Ещё лучше, не боевой, выходит, офицер, тюремщик. Так... Жена обычно спускается во двор, выводит собаку и провожает мужа. Молодая... в прошлом – виолончелистка. Это у неё второй брак. У него, впрочем, тоже. Ее сын и его дочь уже год как пристроены учиться за границей. Общий ребёнок, мальчик семи лет. Выгуляв пса,

женщина поднимается домой, будит сына, отвозит его в школу, потом на машине мужа едет по своим делам в оформленный на ее имя бутик женской одежды.

Горец стал прикидывать боевую диспозицию.

Итак, что мы имеем... Генерал, офицер охраны, водитель, женщина и большой пёс. Реально опасен только охранник, он вооружён. Генерал оружие с собой явно не носит, держит пистолет в сейфе на службе, дома тоже непременно имеет ствол. Это все не в счет. У водителя тоже может быть оружие. Жена.. Это фактор непредсказуемый. Следует работать по обстановке. Собака может помешать, но это не обязательно. Действовать буду по схеме «бомж-попрошайка».

На первый взгляд, задание выглядело не очень сложным, бывали случаи намного труднее. Но ни один ликвидатор никогда не позволял себе делить задания на сложные и не очень. Все они всегда действовали на пределе сил и возможностей. Потому что изначально были обучены главному в профессии: не бывает задач, которых невозможно решить, бывают плохие исполнители. Это им стали вдалбливать и долбили навечно раньше, чем начали обучать стрельбе по-македонски, секретам обращения с тугой боевой рогаткой и метанию отравленных дротиков на дальнюю дистанцию. Такого белый человек не умеет, этим редким мастерством владеют очень немногие опытные охотники-аборигены в джунглях Конго и Уганды, умение держится в секрете и передаётся от отца к сыну на протяжении веков. Владеющего тайными приемами охотника в племени особо ценят.

... Где-то около шести утра неподалёку от элитной многоэтажки, в которой обитал обреченный генерал, появился некий весьма сомнительный субъект в грязно-болотной куртке, от которой, казалось, так и несло всеми ароматами дворовой помойки. Субъект был небрит и распространял ощутимый запах тяжелого похмелья; красные, слезящиеся глаза никак не могли сфокусироваться на окружающей действительности. На голове у него была чёрная вязаная шапочка. Бомж спотыкающимся шагом обошёл дом и на задворках обнаружил кота. Ну, кот как кот, но только что-то торкнуло в голове Горца: возьми кота, явственно прозвучал внутренний голос. А своему внутреннему голосу он привык доверять. Потому что ведь и для развития острой интуиции есть свои методы.

Горец присел на корточки, вытащил из-за пазухи кусочек охотничьей колбаски (когда среди фигурантов дела есть животное, мясо надо брать обязательно), осторожно, чтобы не спугнуть, положил на землю. Кот хотел убежать, но не выдержал – подошёл, схватил колбасу. Такой вкуснятины он не ел никогда. За первым куском последовал второй. Кот, этот дворовый хулиган и бандит, был сражён. Он приблизился к Горцу и доверчиво потерся о ногу.

Горец взял кота и сунул за пазуху, где так вкусно пахло колбасой. От счастья кот замурчал, словно трактор. Нетвёрдым шагом Горец вышел к подъезду, перед которым затормозила чёрная «Волга». Из парадной вышли генерал с супругой, которая вела на поводке большого дога.

– Нет, дорогая, не сегодня, сегодня никак не получится, буду поздно, может, завтра... – говорил генерал.

Охранник взялся за ручку задней двери машины. Горец подошёл поближе. Собака заволновалась: учуяла кошку и одновременно – запах колбасы. Бедный пёс впал в когнитивный диссонанс и занервничал.

– Слышь, братан... стольник дай, а? Душа горит! Здоровье надо поправить! – обратился он к охраннику, который, учуяв запах перегара, брезгливо поморщился.

– Вали отсюда, да побыстрей! – злобно прошипел он.

– Жалко тебе, что-ли! Стольник!

– Ноги переломаю! Исчезни!

Горец, удручённо покачивая головой, сделал движение, словно поворачивает назад, но вдруг, будто что-то вспомнив, сунул левую руку за пазуху. Охранник напрягся было, но Горец вытащил кота и сделал шаг вперёд.

– Братан! Хочешь, кота купи? За сотку отдам! Купи,а?

– Да я тебя, гнида...– начал было офицер, но тут Горец метнул кота прямо в морду собаке.

Пёс рванулся, женщина упала, генерал и охранник бросились ее поднимать. Возникло секундное замешательство. Воспользовавшись этим, Горец спокойно, словно в тире, прострелил голову сперва охраннику, потом – генералу. Женщина, стоя на коленях, раскрыла рот, но закричать не успела – ей досталась третья пуля. Дурак-водитель сидел в машине ни жив, ни мёртв, даже двери не заблокировал. Горец вышвырнул его из кабины и потратил четвёртую пулю.

Кот куда-то убежал, собака скулила. Горец, оглядываясь и кряхтя, быстро втащил в салон «Волги» тяжёлый генеральский труп и отъехал.

Все это заняло никак не больше тридцати секунд. Но все равно – соседи, жители дома могли увидеть. Тем более, что у подъезда валялись три трупа и скулил описавшийся пёс. А раз могли увидеть – значит, увидели.

Через пару минут Горец загнал машину в заранее присмотренный глухой двор, вышел, закрыл двери и ушёл по крышам гаражей на соседнюю улицу. Он вывернул наизнанку свою куртку и отстегнул полы. Вместо грязной куртки на нем теперь был приличный темно-серый плащ. Проведя по лицу влажным ватным тампоном, быстро снял «небритость», прополоскал рот специальным составом, уничтожающим специфический запах, капнул в каждый глаз какие-то капли, чтобы исчезло воспаление, снял чёрную вязаную шапочку, заменив ее приличным беретом в тон плащу.

По улице шагал обычный интеллигентного вида молодой мужчина, каких можно встретить на каждом шагу. Молодой человек слегка торопился, ну так ведь и все в этот утренний час спешат на работу. Вскоре он смешался с толпой у входа в метро.

КАК ПОГИБ ПАСТЫРЬ

Планируя задание, Горец, как и все его коллеги, понимал, что вероятность гибели всегда существуют. Но именно на стадии подготовки этот риск следовало минимизировать: не для героической гибели их отправляли на задание. Разумеется, бессмертными они не были. В этом смысле их можно было сравнить скорее с гвардией персидского царя Кира. Те лишь назывались бессмертными, но гибли, как и все в боях, просто на их место сразу приходили новые бойцы и численность гвардейской тысячи никогда не менялась.

Пастырь был самым старшим и самым опытным членом их малочисленного отряда. Через пару-тройку лет был бы переведён в группу наставников, ибо в запас и на пенсию ликвидаторы не выходили, оставались в подразделении до самого конца. Из организации такого уровня секретности назад пути нет.

Наставником Пастырь был бы идеальным – знал и умел больше любого из них. Да вот не сложилось...

И обиднее всего было то, что погиб Пастырь глупо. Случайно. А ведь любой план любой операции строился на максимальном исключении всех возможных случайностей. Но план – планом, а жизнь – жизнью.

Он охотился за очень серьезным объектом в Европе. Объект бы большим меломаном и балетоманом, завсегдаем лучших европейских премьер. Пастырь досконально изучил его привычки, узнал, что объект с охраной и толпой многочисленных прихлебателей, называющих себя музыкальными критиками, всегда бронирует одни и те же места в партерах посещаемых

театров. Ложи он не признавал, говорил, что хочет быть как можно ближе к сцене, чтобы «раствориться в потоке прекрасного». Между тем именно над этими местами висели в залах тяжёлые люстры.

Дальше – дело техники. Пастырь пробрался под крышу, заминировал крюк, удерживающий люстру. На следующий вечер появился в театре в униформе пожарного. В нужный момент произвёл взрыв. Люстра рухнула, убив и ранив массу людей. Когда он бросился в партер, чтобы удостовериться в смерти объекта, метнувшаяся к выходам визжащая от ужаса толпа окровавленных людей сбила его с ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.